

Содержание

Предисловие. ДВА ДОКТОРА НАУК В ОДНОМ МУЛЬТФИЛЬМЕ, или СЛУЧАЙ — ПСЕВДОНИМ ВСЕВЫШНЕГО	3
--	---

Часть первая. ПЕРЕВАЛ

Глава первая	7
Глава вторая	38
Глава третья	76
Глава четвертая	98

Часть вторая. ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Глава первая	121
Глава вторая	151
Глава третья	182
Глава четвертая	211
Глава пятая	254
Глава шестая	287
Глава седьмая	317
О ХУДОЖНИКЕ	398

Предисловие

ДВА ДОКТОРА НАУК В ОДНОМ МУЛЬТФИЛЬМЕ, ИЛИ СЛУЧАЙ — ПСЕВДОНИМ ВСЕВЫШНЕГО

Роман «Поселок» в творчестве Кира Булычева стоит несколько особняком. Массовый читатель в основном знает адресованные детям и подросткам повести о приключениях непоседливой «девочки с Земли», Алисы Селезневой, а также остроумные истории из жизни города Великий Гусляр. «Поселок» — роман не детский и тем более не юмористический. Это сложное философское и социально значимое произведение. Оно о том, как люди теряют свои корни, а потом мучительно возвращают их себе.

Неудивительно, что столь необычное произведение привлекло внимание одного из самых необычных советских мультипликаторов — Владимира Тарасова. Он всегда отдавал предпочтение фантастическим сюжетам и комиксовой изобразительной стилистике, и это сделало его мультипликацию актуальной и сегодня. Получасовой мультфильм «Перевал», поставленный по первой части романа «Поселок», получился еще более необычным, чем книга.

На первый взгляд, довольно смелым, но, как оказалось, весьма удачным ходом было решение использовать в видеоряде мультипликационной картины графические работы Анатолия Фоменко, профессионального математика и историка-любителя, создавшего вызвавшую множество споров «Новую хронологию». Владимир Тарасов гордо хвастался, мол, у него на фильме работает два доктора наук: как известно, Кир Булычев, он же Игорь Всеволодович Можейко, был доктором исторических наук, а Анатолий Фоменко уже тогда был доктором математических наук.

Как же собрался столь необычный и представительный творческий состав? «Во многом все получилось случайно, — рассказывал Тарасов. — На фрагмент из романа Игоря Всеволодовича я наткнулся в журнале „Знание — сила“, и он меня очень заинтересовал. Там были такие нотки, которые меня всегда теребили. Это разговор о взаимоотношении человека и космоса, об одиночестве человечества в этом огромном мире... Надо было найти художника, который бы создал соответствующий видеоряд. Я очень верю в такое понятие, как „Его Величество Случай“. Кто-то из великих замечательно сказал, что Случай — это псевдоним Всевышнего, когда Он не хочет засветиться. И так же, как я случайно наткнулся на публикацию Кира Булычева, так же, уже не помню каким образом, мне попала в руки книжка по математике. И в этой небольшой брошюрке, помимо умных теоретических концепций, были иллюстрации — гра-

фические изображения различных математических формул. Я очень удивился, когда выяснилось, что и автор этой тоненькой книжки, и автор иллюстраций в ней — человек по имени А. Т. Фоменко. Он уже тогда был профессором МГУ, а по вечерам занимался историей».

Да, профессор Фоменко уже в 1980-е годы был культовым персонажем в кругах студентов физико-математических вузов, его рисунки передавали из рук в руки, копировали на первых копировальных машинах, сканировали на первых попавших в Москву сканерах и распечатывали на первых принтерах.

«Уже познакомившись с Анатолием Тимофеевичем, я как-то приехал в его квартиру где-то на окраине Москвы, — продолжает Тарасов. — И на стенах его рабочей комнаты я увидел большие бумажные простыни с какими-то датами, надписями — скажем, „Карл XII, Иван Грозный...“ И он мне рассказал о своей теории „Новой хронологии“, о том, что все даты, по его мнению, сдвинуты лет на 300–500. К этой мысли он пришел, используя метод математического анализа. Потом это все было изложено в его знаменитом довольно скандальном издании. И вот этого человека я пригласил как художника для того, чтобы проиллюстрировать произведение Кира Булычева. Специальных рисунков к „Перевалу“ Фоменко не делал. У него уже был набор работ, которые он рисовал для себя, и я, увидев довольно обширный запас вещей, постарался осмыслить, что из этого можно использовать как иллюстративный материал, чтобы создать определенную атмосферу, создать мир поселка на далекой планете, на которой произошла катастрофа. По-моему, иллюстрации Фоменко очень хорошо легли на то, что было написано Булычевым».

Так получилось, что у этих двоих незаурядных творческих личностей, встретившихся на одной мультипликационной картине, были диаметрально противоположные взгляды на историю. Доктор исторических наук И. В. Можейко наотрез не принимал теории доктора математических наук А. Т. Фоменко. При всем при том оба эти человека были творческими личностями и учеными очень широких взглядов и с уважением относились к мыслям и творчеству друг друга. Несмотря на непримиримость их научных позиций.

Как бы то ни было, получилось незаурядное произведение о культуре, без которой немислимы люди. Огромное впечатление производит сцена, в которой герои Кира Булычева идут по снежной пустыне: звучит песня Александра Градского на стихи Саши Черного, звучит романс Александра Вертинского, звучит закадровый голос Александра Кайдановского, а на скалах, которые проплывают мимо, проступают графические работы Анатолия Фоменко... Культурные пласты сталкиваются и вступают в синтез, и в результате этого синтеза возникает связь между людьми, потерянными в далеком космосе, и их родиной — планетой Земля.

Эта маленькая короткометражная картина стоит многих полнометражных лент.

Андрей Щербак-Жуков, поэт, прозаик, критик

Часть первая

ПЕРЕВАЛ

Глава первая

В

доме было сыро, мошка толклась у светильника, давно надо бы его погасить, мать, конечно, забыла, но на улице дождь, полутьма. Олег валялся на койке — недавно проснулся. Ночью он сторожил поселок: гонял шакалов, они целой стаей лезли к сараю, чуть самого не задрали. В теле были пустота и обыкновенность, хотя сам от себя он ждал волнения, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят — вернешься или не вернешься. А если пятьдесят в квадрате? Должна быть закономерность, должны быть таблицы, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросить старого, что такое велосипед. Парадокс. Велосипеда нет, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашляла мать. Она, оказывается, дома.

— Ты чего не пошла? — спросил он.

— Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.

— А кто за грибами ушел?

— Марьяна с Диком.

— И все?

— Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было бы естественно, если бы позвала.

— Есть не хочется.

— Если дожди не кончатся, — сказала мать, — до холодов огурцы не вызреют. Все плесенью зарастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел в потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Вайткуса: нос картошкой. А сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Дику в лесу неинтересно. Чего ему грибы собирать? Он охотник, степной человек, сам же всегда говорил.

— Мошки много, — уронила мать, — холодно ей в лесу.

— Нашла кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жили Старый и близнецы Дуровы. Он их взял к себе, когда старшие умерли. Близнецы всегда хворали: один выздоровеет, другой простудится.

Если бы не их ночное нытье, Олег никогда бы не согласился дежурить по ночам. Вот и сейчас слышно было, как они хором захныкали. Невнятный, далекий, привычный, как ветер, монолог Старого оборвался, заскрипела скамейка. Старый пошел на кухню, и тут же загалдели его ученики.

— И куда тебе идти? — сказала мать. — Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. По ночам бормочет, ворочается, потом начинает тихо пла-

кать — можно догадаться, потому что шмыгает носом. Или начинает шептать, как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...» Олег, если слышит, замирает: показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаваться, но он не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которые увидеть нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит мать иной — только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пук, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. Лицо красное, в оспинках от перекасти-поля, под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выцвели. Мать сидит за столом, вытянув жесткими ладонями вниз мозолистые руки. Ну плачь же, чего ты? Сейчас достанет фотографию... правильно, подвинула к себе коробку, открывает, достает фотографию.

За стеной Старый уговаривает близнецов поесть. Близнецы хнычут. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случилось. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить, пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный вперед. Улыбается. Мать говорит, что он всегда улыбался. Вот Олег с матерью больше похожи, не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и тонкие губы. Широкие, круглые, дугами брови, под ними ярко-голубые глаза.

И белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и черные волосы, как у матери на фотографии. Отец с матерью молодые и очень веселые. И яркие. Отец в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда, двадцать лет назад, Олега еще не было. А шестнадцать лет назад он уже был.

— Мать, — попросил Олег, — не надо, чего уж.

— Я не пушу тебя, — ответила мать. — Не отпускаю, и все. Через мой труп.

— Мать, — Олег сел на койке, — хватит, а? Я лучше супа поем.

— Возьми на кухне. Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хоронила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить.

Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

— Я помогу, — предложил Олег. — Воду вскипятить?

— Да, — отозвался Старый, — спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

* * *

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком чувствовала себя спокойно, потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, как будто родился охотником, но на самом деле он родился раньше, чем построили поселок.

— А ты в лесу как дома, — сказал Дик.

Он произнес это громко. Дик шел впереди и чуть сбоку. Куртка мехом наружу сидела на нем, как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить.

Лес был редкий, корявый, деревья вырастали здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отломают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, заскрипели. Боле-ла ладонь. Она занозила ее, когда откапывала грибы. Дик вытащил занозу, чтобы не было заражения. Неизвестно, что за иголка. Марьяна глотнула горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

— Погоди, Дик, — сказала она, — там цветок, которого я еще не видела.

— Может, обойдешься без цветов? — спросил Дик. — Домой пора. Мне что-то здесь не нравится. — У Дика был особенный нюх на неприятности.

— Одну секунду, — ответила Марьяна и подбежала к стволу.

Ноздреватая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсировала, накачивая воду, и корни вздрагивали, вытягивали пальцы, чтобы не упустить ни одной капли дождя.

Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была

в мешке с грибами, которые зашестуршились и заскрипели так, что Марьяна даже засмеялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

— Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

— Глаза! — кричал Дик. — Глаза целы?

Он дернул Марьяну за плечи, оторвал от корней ее судорожно сжатые болью пальцы, посадил.

— Не открывай глаз, — приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие тонкие иголки. И приговаривал сердито: — Дура, тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

Неожиданно он навалился на Марьяну и прижал к корням.

— Больно же!

— Еще один прилетел, — сказал он, поднимаясь.

Два шарика перекаати-поля пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголочек-семян, но легкие, как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не ударятся ненароком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут от иголочек молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в сезон созревания надо быть осторожным в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметины.

— Ну ничего, — успокоил Дик, — больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное — чтобы в глаз не попало.

— А много ранок? — спросила Марьяна тихо.

— Не пропадет твоя красота, — сказал Дик. — Теперь домой скорей, пускай Эгли смажет жиром.